
«Ближние люди», временщики и фавориты

Их имена помнят только историки, о них редко пишут в учебниках, чаще всего одной строкой, перечисляя основных «действующих лиц» той или иной эпохи, связанной с именем великого монарха. Хотя еще в начале XIX века сравнение «канцлера» Артамона Матвеева и кардинала Ришелье никого не коробило, сейчас оно в лучшем случае вызовет вопросы и недоумение, если не насмешки. И совершенно зря! Фаворитизм оказался универсальным свойством абсолютной власти независимо от того, как называется правитель: король, царь или император.

Но если французские образцы абсолютизма досконально изучены в мировой историографии, то с русской историей дело обстоит иначе. XVIII век скомпрометировал у нас понятие фаворитизма, придал ему сибаритские оттенки, увел историю из кабинетов министров в альков императриц. Изучать фаворитов стало равнозначно исторической «желтизне»; это дело отдано на откуп литераторам, отвечающим интересам невзыскательной публики. Поэтому, за редкими исключениями, биографии людей из монаршего окружения не пишутся, так как слишком понятны заранее расписанные роли...

При внимательном взгляде на Московское царство XVI—XVII веков хорошо видно, что истоки явления фаворитизма более глубокие, чем обычно считается. Рядом с великими князьями и царями всегда находились «ближние люди». В разное время ими могли быть бояре и родственники царя, представители самых заметных аристократических родов. Они заседали в Боярской думе и становились главными советниками царей или, в их отсутствие, правительниц, какими, например, были Елена Глинская в XVI веке и царевна Софья в конце XVII. Но сравнивать фавори-

тизм «московского» и «петербургского» периодов русской истории всё же не приходится. Кроме того, почти все «фавориты» XVI—XVII веков плохо кончали, а о фаворитках тогда вообще не слышали.

«Ближние люди» — термин, вынесенный в название книги; он имеет вполне определенный исторический смысл. Это немногие представители аристократической элиты, участвовавшие в управлении государством наряду с московскими царями. Они имели право совета царю, доклада и объявления царских указов. Остальные бояре хотя и носили почетный чин и вызывались на заседание Боярской думы, но не обладали привилегией отдельно от всех говорить с царем. Формула «государские очи видеть» точно отражала желание каждого служилого человека, а лишение этой возможности называлось опалой. Близость к царю — цель любого царедворца, имевшего право участвовать в совете — Боярской думе. «Ближние люди», как правило, выделялись своим происхождением и положением в Думе; они постоянно находились рядом с царем, участвовали в обсуждении главных вопросов войны и мира, дипломатии и внутреннего управления...

Постепенно в царском окружении появляются царедворцы, становящиеся выше других бояр, первыми среди равных. Старшинство таких людей, входивших в ближний круг, основывалось на царском доверии и даже дружбе. Но самым верным основанием было родство с царем, как у двоюродного брата Михаила Романова князя Ивана Борисовича Черкасского. Власть одного ближнего человека распространялась значительно дальше царских покоев в Кремле; он получал в управление важнейшие приказы — своеобразные «министерства» того времени. Через него решались многие тайные дела царства, что, впрочем, создает дополнительные трудности историкам, так как никаких записей разговоров царей с «ближними людьми», естественно, не велось.

Самым доверенным людям царя передавалось право предстательства, сравнимое с «печалованием» митрополитов Русской Церкви. Именно через них реализовывались общие ожидания справедливости и надежды на достижение правды. Если же первые люди в царском окружении не оправдывали ожиданий «мира», давали основание подозревать их в корыстолюбии и нерадении в царских делах, тогда происходил бунт. Как это случилось с классическим московским мятежом, или «гилем», 1648 года, направленным

против «ближнего человека» боярина Бориса Ивановича Морозова.

Негласный порядок обязательного присутствия во власти «ближних людей» установился давно, возможно, с тиунов, посадников, отдельных членов княжеской дружины в летописное время. Были такие первые советники и во времена московских великих князей и царей. Но именно с начала династии Романовых эта особенность управления стала устойчивой и заметной.

Можно ли считать это признаком ограничения царской власти боярами? Конечно нет, несмотря на слухи о выдаче ограничительной записи царем Михаилом Федоровичем при его избрании на трон в 1613 году. Царь Михаил Федорович и его сын царь Алексей Михайлович вступали на трон в шестнадцатилетнем возрасте и поэтому нуждались в наставниках. Но они самостоятельно выбирали наиболее доверенных лиц, иногда даже вопреки воле остальных бояр. Кроме того, взрослея, цари не отказывались от опоры на первых советников царства. И ни при каких обстоятельствах «ближние люди» не претендовали хоть на какую-то часть царской власти. Всё по-прежнему делалось исключительно «по царскому указу».

При упоминании «ближних людей» в истории обычно приводят какие-то яркие, характерные детали. Например, о боярине Морозове говорят прежде всего как о воспитателе царя, а о «западнике» канцлере Матвееве — как об организаторе первых театральных представлений при царском дворе. Но этими общими представлениями всё и исчерпывается. Книга должна исправить подобную избирательность восприятия людей, сыгравших выдающуюся роль в управлении Московским царством XVII века. В ней впервые сделана попытка представить полные биографии бояр князя Ивана Борисовича Черкасского, Бориса Ивановича Морозова, Артамона Сергеевича Матвеева, показать пути возвышения «ближних людей», раскрыть обстоятельства их службы, привести сведения о «домашнем быте».

Биографический рассказ о многих деятелях истории XVII века ограничен состоянием источников. Это касается и героев книги. К сожалению, неизвестны точные даты их рождения; иногда приходится пропускать целые годы или даже важные периоды в их жизни. Неравномерно сохранились в документах свидетельства об участии главных бояр в делах царства, поэтому временами в книге говорится об общих событиях, участниками и свидетелями которых ста-

новились князь Иван Борисович Черкасский в 1620—1630-е, Борис Иванович Морозов в 1640—1650-е и Артамон Сергеевич Матвеев в 1660—1670-е годы.

Сопоставляя пути на вершину власти трех «ближних людей» в окружении царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, можно познакомиться с важнейшей особенностью «самодержавия». Восприятие образа власти во многом зависело от окружения московских царей. Справедливым или несправедливым, правильным или неправильным виделось состояние дел в государстве, зависело еще и от бояр, стоявших во главе важнейших приказов, их желания и умения ограничить влияние других «сильных людей». При этом никакой аристократической фронды не существовало. Двор московских царей в XVII веке был пронизан тысячами нитей родственных связей, в нем всегда была сильна память о службах предков, и все эти службы должны были содействовать укреплению царства.

После смерти царя Алексея Михайловича в 1676 году судьба «ближних людей» стала определяться политической борьбой вокруг трона. Попытка оттеснить от власти боярина Артамона Матвеева и заменить его другими «ближними людьми» в итоге привела к вовлечению стихии в споры бояр между собой. Оказалось, что у «ближних людей» московских царей была еще одна важная, скрытая до поры роль: они могли влиять на относительно мирную смену царей на престоле. События Стрелецкого бунта 1682 года привели к потрясениям и новой Смуте не только из-за запутанных обстоятельств престолонаследия, но еще из-за невозможности присутствия какого-то одного «ближнего человека» в окружении царевичей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича. Тогда произошел настоящий переворот в сознании современников, приведший в итоге к завершению истории Московского царства.

Принятие Петром I титула императора и Устав 1722 года «о наследии престола» по одному личному выбору «Правительствующего государя» означали глубокие перемены в отношении царя со своим окружением. Идущая из исторической глубины традиция опоры на совет с «ближними людьми», право Земли признавать таких царских советников были отменены в ходе петровских преобразований. На место первых бояр в царском окружении, «работавших» для царя и его будущего наследника, пришли сначала «птенцы гнезда Петрова», а потом «екатерининские орлы». По сути, это были временщики и фавориты, полностью завися-

шие от щедрот своего царствующего покровителя. Иногда они заранее собирались в «партии» вокруг того или иного претендента на престол. Но это уже история другого, «осьмнадцатого века», когда времена прежних царей уходили в небытие.

Московское царство не стоит идеализировать, и оспаривать состоявшиеся исторические перемены не приходится. Вряд ли уместны и какие-то современные аналогии с «царем и боярами». И всё же след, оставленный «ближними людьми» в истории первых московских царей, очень глубок, и без его изучения общая картина истории России оказывается неполной.

* * *

Известные и малоизвестные «ближние люди» были практически у каждого московского великого князя, начиная с Ивана III, правившего в 1462—1505 годах и создавшего Русское государство на рубеже XV—XVI веков. Можно вспомнить зятя Ивана III тверского князя Василия Даниловича Холмского, князей Патрикеевых и Рязполовских, чьи имена открывали первые известные списки членов Боярской думы. В широком смысле ближний круг — все бояре и окольные, входившие в Думу в конце XV века, а их насчитывалось 10—15 человек. Но в узком смысле речь должна идти действительно о самых приближенных людях, к кому великие князья чаще всего обращались за советом и кому поручали наиболее сложные дела, требовавшие безусловной преданности и «короткой» памяти — умения хранить дворцовые тайны. В ревниво следящей за местническим возвышением родов служилой среде такое выделение одних или приближение других не могло оставаться незамеченным. Устранение от рассмотрения дел остальных советников вызывало обиду на великого князя. Хорошо известны слова Никиты Ивановича Берсеня Беклемишева, жаловавшегося Максиму Греку на великого князя Василия III (1505—1533), что тот *«запершыся сам третей у постели всякие дела делает»*¹. В словах Берсеня Беклемишева, оправдавшего свое прозвище колючего «крыжовника», конечно, нет никакого оппозиционного значения, любой служилый человек мечтал оказаться в числе советников великого князя. Но неосторожная критика великого князя за перемену «старых обычаев» стала одним из оснований для смертного приговора Берсеню в 1520-х годах.

Великие князья были связаны неписанным общественным договором со своим окружением, но не настолько, чтобы обращаться за советом исключительно к боярам. Постепенно в Боярской думе появляется новый чин думных дворян — сначала как прецедент, необходимый для того, чтобы княжеские любимцы имели основания для постоянного присутствия в Москве и участия в заседаниях Думы. Точное определение значения думного дворянства можно видеть в упоминаниях в источниках об Иване Юрьевиче Шигоне Поджогине. Про этого «ближнего человека» великого князя Василия III говорили, что он сын боярский (действительно происходивший из старомосковского рода Зайцевых), «*который у государя в думе живет*»². Фаворит великого князя участвовал во всех важнейших делах, особенно заметна его роль советника в дипломатических переговорах со Священной Римской империей, Литвой и Крымом. Но был он известен и другими делами. Прочитируем выдающегося историка и исследователя Боярской думы Александра Александровича Зимина: «В конце 1525 г. именно Шигона добился согласия от Соломонии Сабуровой на пострижение ее в монахини, не брезгая такими средствами, как избиеение бичом. В лице Шигоны Малюта Скуратов имел своего... предшественника при дворе Василия III... Так же, как Малюта, Шигона на ратном поприще не отличался. То ли общее возмущение эпизодом с Соломонией, то ли чрезмерное властолюбие Шигоны привело к тому, что вскоре после 1525/26 г. его постигла опала, и он исчез со страниц источников»³. Впрочем, место фаворита пустовало недолго, в последние годы в окружении великого князя Василия III выдвинулся боярин Михаил Юрьевич Захарьин — один из предков Романовых.

Единственным в своем роде случаем фавора у правительницы Елены Глинской была история боярина и конюшего князя Ивана Федоровича Овчины Оболенского. Во времена Василия III он не был особенно заметен на службе и получил свой боярский чин только после начала правления Ивана IV (1533—1584) и «регентства» его матери великой княгини Елены Глинской в 1533—1538 годах. Всё встанет на свои места, если вспомнить, что родная сестра фаворита, вдова дворецкого Василия III Аграфена Челядина, была мамкой Ивана IV. Давая предсмертные распоряжения, великий князь Василий III завещал ей «ни пяди» не отступать от своего наследника. И вполне естественно, что родственники верховых боярынь из женского дво-

ра великой княгини Елены Глинской остались ее первыми советницами и способствовали движению в чинах своих близких. Тем более что их было совсем немного и все они принадлежали к аристократической и служебной элите московских великих князей. Так быстро произошло возвышение князя Ивана Овчины Оболенского, с июля 1534 года упоминавшегося с чином боярина и конюшего. Важнейший в дворцовом управлении чин, изначально связанный со взиманием налога с клеймения лошадей, с этого времени является главным признаком власти первого человека и его особенного влияния в окружении монарха.

Конечно, уже современники обсуждали столь неожиданный союз молодой вдовы великого князя с одним из своих бояр, получившим широкие права в управлении. Князя Ивана Федоровича Овчину Оболенского назначали воеводой в войска, он принимал послов, судил спорные дела в комиссии Боярской думы. Правда, историки заметили, что правительница Елена Глинская считалась с местническим положением дел, роль князя Ивана Овчины Оболенского была уравновешена возвышением другого аристократа, князя-Рюриковича, родственника московских великих князей Василия Васильевича Шуйского, чье имя как раз находилось в самом верху списка членов Боярской думы. Поэтому в документах военной или дипломатической службы его имя стояло выше имени князя Ивана Овчины Оболенского. Исследователь истории «вдовствующего царства» 30—40-х годов XVI века Михаил Маркович Кром разыскал документы, где о князьях Василии Шуйском и Иване Овчине Оболенском сказано как о «ближних людях» великого князя Ивана IV. Казус случился в 1538 году, когда из Крыма, где уже знали о появлении в окружении правительницы новых главных советников, попросили прислать именно их в качестве великих послов к крымскому хану («царю»). И получили ответ, вписанный в посольский наказ: «И ты б царю говорил: царь, господине, князь Василей Васильевич Шуйской и князь Иван Федорович у государя нашего люди великие и ближние: государю их пригоже пѣри себя держати, занеже государь великой, а леты еще млад...»⁴

Совсем иначе говорили о взаимоотношениях князя Ивана Овчины Оболенского и правительницы Елены Глинской в Литве, не стесняясь намекать на их куртуазный характер. По словам секретаря Сигизмунда I Николая Нипшица, «этот Овчина является опекуном днем и ночью». Слухи о «чрезмерной» опеке получили новое подтвержде-

ние в 1535 году, когда в литовский плен попал двоюродный брат фаворита князь Федор Васильевич Оболенский, носивший точно такое же прозвище — Овчина. Тогда разговоры распространились еще дальше, и о более чем близких отношениях «вдовы-княгини Московской» со своим фаворитом уверенно заговорили уже при дворе императора Священной Римской империи Карла V.

Известный дипломат барон Сигизмунд фон Герберштейн, бывший в России при дворе Василия III и оставивший записки о России, также не мог пройти мимо этой занимательной истории (впрочем, подходящей более перу драматурга, а не мемуариста). Труд Герберштейна, впервые опубликованный в 1549 году, появился во многих переводах и на целый век стал в Европе главным источником сведений о дворе московских великих князей. И, конечно, многие читатели этих записок запомнили рассказ о том, как дядя великой княгини Елены Глинской, князь Михаил Львович Глинский, пытался поучать свою племянницу, чтобы она не «позорила царское ложе», и был заточен ею в темницу. В назидание Сигизмунд Герберштейн сообщал об ужасной судьбе, постигшей отравленную ядом великую княгиню Елену Глинскую и самого фаворита Овчину, «рассеченного на куски». Весь пассаж с изложением истории заключения князя Михаила Глинского далек от исторических реалий, но, несмотря на явные преувеличения, рассказ Герберштейна о немедленном падении фаворита после смерти правительницы все-таки соответствовал действительности. Более того, подтверждаются и подозрения о связи судьбы князя Михаила Глинского и князя Ивана Федоровича Овчины Оболенского. Падение фаворита было очевидной мстью за прежнее устранение князей Глинских из окружения великой княгини, подчеркнутой тем, что самого Овчину заковали «в железа» и посадили в ту же палату, где до этого был заключен князь Михаил Глинский.

У Овчины хватало и других врагов. Решение о его устранении от власти принимал еще один ближний советник Елены Глинской, боярин князь Василий Шуйский, не захотевший больше терпеть рядом с собой конкурента. Для летописцев не было секрета в том, что князя Шуйские действовали «самовольством», а князя Ивана Овчину Оболенского арестовали потому, «что его государь князь великий в приближенье держал». Напомним, что власть в стране оставалась у великого князя Ивана IV, будущего Грозного. Но когда 3 апреля 1538 года умерла его мать, Ивану было все-

го семь лет, поэтому вскоре наступили времена так называемого «боярского правления». Оставшийся без поддержки великой княгини опальный боярин и конюший Овчина «преставился» в заточении. Пострадала и его сестра Аграфена Челяднина, сосланная в Каргополь на «постриг»⁵. Так завершилась совсем короткая по историческим меркам история четырехлетнего возвышения и падения «ближнего человека» московской великой княгини Елены Глинской.

Юношеские времена Ивана IV, ставшего первым московским царем в 1547 году, полны свидетельств о расцвете нового, еще не виданного ранее при дворе московских правителей фаворитизма. Уже не один-два человека составляли ближний круг царя, а целое правительство «Избранной рады». Конечно, сейчас представления о ней в историографии скорректированы, и никто уже не будет говорить о существовании особого института в системе управления Русского государства XVI века. Пришедшее из публицистики название Рады, а не Думы, показательно само по себе. Его появление стало следствием тесных взаимоотношений с Литвой и Польшей, где понятием «паны-рада» обозначали сенаторов и главных советников польских королей. По аналогии с Сенатом русских бояр стали называть «радными» людьми и сенаторами. Но высшим органом управления оставалась Боярская дума, состоявшая из представителей аристократических родов, как это всегда и было у великих князей и царей.

Другое дело, что кроме общей Думы, где заседали все ее члены — бояре и окольничие, стала складываться Ближняя дума. «Избранная рада» может считаться переводом названия Ближней думы — этого пока еще не утвердившегося в языке обозначения круга выбранных первых советников. В состав приближенных царя попали «новые люди» — благовещенский протопоп Сильвестр и «избранный» человек царя Ивана IV в «Избранной раде» Алексей Федорович Адашев, чьи «советы» были более других угодны царю. Влияние этих новых лиц в окружении царя основывалось исключительно на расположении самого Ивана IV, за ними не было ни аристократического происхождения, ни какого-либо заметного положения на чиновной лестнице. Во времена кризиса, связанного с царской болезнью и присягой царевичу Дмитрию в 1553 году (не тому известному, а несчастному младенцу, вскоре погибшему из-за нелепой трагической случайности), думные дворяне первыми поддержали царя. Тогда «в боярех» проявились «смута

и мятеж», одни готовы были присягнуть князю Владимиру Андреевичу Старицкому, другие хотели гарантий, связанных с присягой в присутствии царя, третьи боялись узурпации власти при «пеленичнике». Даже в такой момент Иван Грозный был вынужден считаться с амбициями княжеской и боярской аристократии, чтобы не нарушать баланса сил в Боярской думе между князьями Шуйскими, Мстиславскими, Воротынскими и боярами Захарьиными — родственниками своей жены Анастасии Романовны. Но Грозный есть Грозный: однажды перестав терпеть диктат своих советников, он заменил его своей диктатурой. И талантливо рассказал, как тяжело ему приходилось подчиняться и принимать во внимание слова других людей, не шадя уже никого из своих прежних советников, входивших в так называемую «Избранную раду»!

Конечно, это была великая драма русской истории, замеченная еще «историографом» Николаем Михайловичем Карамзиным! Эпоха первых реформ и военных побед Ивана Грозного, особенно взятия Казани в 1552 году, постепенно сменилась разделением страны, репрессиями опричнины и воцарением общего страха. Важен и личный фон событий, смена «ближних людей» при дворе Ивана Грозного. Сравнение двух десятилетий, когда ближе всех к царю оказывались Алексей Адашев с его советами в 1550-х или опричный слуга и палач Малюта Скуратов в 1560-х годах, становилось особенно показательным, обозначая вехи и направление состоявшихся перемен.

Можно, конечно, связать отказ царя от какой-либо «рады» с Сильвестром, Адашевым и другими царскими советниками в начале 1560 года с поворотом во внешней политике к войне с Ливонией. Хотя другие историки говорят, что если расхождения и были, то они касались способов достижения общей цели, но не пересмотра главных задач⁶. У охлаждения царя по отношению к главным советникам явно были глубокие личные основания, ставшие причиной трагического излома в судьбах людей, принесших славу начала царствования Ивана Грозного. Кстати, один из членов «Избранной рады» князь Андрей Курбский парировал обвинения царя в том, что требования советников продолжать войну с Ордой помешали ему воевать «в германских градах». В «Истории о великом князе московском» Курбский писал, что царь «не послушался» призывов послать большое войско в Крым, «и помогли ему в этом товарищи добрые и верные по трапезам и кубкам, друзья по разно-

образным удовольствиям»⁷. Показательное противопоставление, чтобы оценить настоящее значение «ближних людей» Адашева и Сильвестра в окружении царя, смененных, как считал убежавший в Литву Курбский, на царских со-трапезников.

Другие члены «Избранной рады» после опалы, к сожалению, оправдаться уже не могли. Поэтому приходится опираться на оценки и свидетельства самого Грозного или его оппонента Андрея Курбского. Царь Иван Васильевич описал в гневных посланиях перебежчику прежний порядок вещей, ставший для царя помехой. Советники были отвергнуты с бранью: «Своим злолукавым самохотным изложением, яко же с своими начальники, с попом и Алексеем, изложили есте, собацки осуждающе...», — отвечал царь Иван Курбскому. Возмущению Грозного нет предела: ведь ему кто-то позволил «встречу говорить», обсуждать и осуждать решения его, самого царя! Разница между достоинством и раболепством ему не видна, «честность» и «простота» подданных, как в кривом зеркале, становятся одной «хитростью». И во всех словах присутствует глубочайшая обида Ивана Грозного в том, что кто-то посмел действовать вопреки его решениям!

Именно такое впечатление производят слова первого царского послания Курбскому. «Собака» Алексей Адашев, по словам Ивана Грозного, появился в его окружении «в юности нашей, не вем, каким обычаем из батожников водворившася». Царь как будто уже забыл времена «боярского правительства» 1540-х годов, когда юношей он был представлен сам себе. И проводил время в окружении телохранителей и слуг, расчищавших дорогу для молодого великого князя и при этом хорошо управлявшихся с батогами... На самом деле, конечно, царь Иван всё помнил, но стал иначе воспринимать возвышение Адашева, взятого «от гноища», из желания противопоставить его «велможам». От них, составлявших тогда правительство, царь ожидал только «измены», а от Адашева — «прямой службы». Ну а дальше случилась обычная для таких «временных» людей, каким был Алексей Федорович Адашев, история. Он просто не устоял перед искушениями власти. И об этом тоже пишет Иван Грозный, не думая, что сам стал причиной перемен, «испортивших» его советника: «Каких же честей и богатств не исполних его, и не токмо его, но и род его!»

Действительно, вспомним историю составления Государева родословца 1550-х годов, куда костромские по про-

исхождению дети боярские Адашевы попали явно не по чину, вписав себя в книгу первых княжеских и боярских родов (пусть и в самом конце их списка). Однако возвышение Ольговых-Адашевых началось еще с отца фаворита — Федора Григорьевича Адашева, исполнявшего поручения великого князя на посольской службе и также названного в посольских книгах не только гонцом, но и «ближним человеком» Василия III. Отец Алексея Адашева в итоге стал боярином Ивана IV, а сын, несмотря на роль, отводившуюся ему в окружении царя, выслужил только чин окольного⁸. Начиная службу Алексей Федорович Адашев с невысокого чина стряпчего, однако близость его к царю проявилась во время свадьбы Ивана IV с Анастасией Романовной в 1547 году. Судя по свадебному разряду, Алексей Адашев находился в кругу самых доверенных лиц жениха, «стелил постель» и участвовал в обряде «мытья в бане». Свою славу он завоевал во время взятия Казани в 1552 году. Ну а дальше быстро последовали роковые события царской болезни начала 1553 года, когда бояре отказывались присягать первенцу и наследнику власти царевичу Дмитрию. Именно события вокруг вынужденной присяги и обсуждения перспектив престолонаследия надорвали связи царя со своим окружением. Многие тогда, в том числе отец Алексея Адашева, опасавшийся возвышения Захарьиных и возвращения к временам боярского правления, повели себя совсем не так, как ожидал царь Иван Грозный⁹.

Другая история связана с выходцем из Новгорода протопопом Благовещенского собора в Кремле Сильвестром. Про него царь Иван Грозный писал Курбскому, также мало сдерживаясь от гнева: взятый «совета ради духовнаго и спасения ради души своея», протопоп Сильвестр «*восхитився властью*». Вопреки распространенному заблуждению, протопоп Сильвестр формально не был царским духовником, но сначала царю, как видим, был необходим такой доверительный совет людей, обладавших авторитетом в духовных делах. Царь Иван IV стремился основать свое царство в соответствии с правильными, очищенными от искажений церковными порядками и нормами, признавая первенство духовных лиц в делах церкви (что ярко проявилось, например, в деятельности церковного собора, принявшего Стоглав в 1551 году). Важны были и обычные наставления христианской жизни, чем и прославился протопоп Сильвестр, которому приписывается составление или редактирование «Домостроя». Однако как толь-

ко царь заметил союз Сильвестра и Адашева, он стал подозревать их в попытке повлиять на его власть. На языке Грозного это и называлось изменой: «Такоже поп Селивестр со Алексеем здружилися и начаша советовати отаи нас, мневше нас неразумных суще, и тако вместо духовных мирская нача советовати, и тако помалу всех вас бояр в самовольство нача приводити, нашу же власть с вас снимающе, и в супротивословие вас приводяще, и честию вас мало не с нами равняяще, молотчих же детей боярских с вами честию уподобляюще». Из всей этой фразы, наполненной обвинениями в «тайном совете», подозрениями в том, что власть царя пытались подменить собственным «самовольством», комментарий историка нужен только к последнему замечанию о детях боярских — еще один выпад в сторону Алексея Адашева.

Кстати, стоит запомнить это настоящее отношение Грозного к рядовым детям боярским и не повторять ошибочных рассуждений о противостоянии боярства и дворянства. Если оно и было, то Грозный поддерживал привычный порядок, опираясь в своей власти именно на бояр. Но чего он не мог терпеть, и об этом ясно сказано в послании Андрею Курбскому, так это боярского «самовольства» и «супротивословия»: все должны были беспрекословно подчиняться царю и не «снимать» с себя его власти — это и называлось самодержавие. Царь Иван Грозный радуется в послании Курбскому тому, что «Алексеева и ваша собацкая власть преста», и даже похваляется тем, что, «сыскав измены собаки Алексея Адашова со всеми его советниками», поступил с ним «милостиво» и не осудил на смертную казнь, а протопоп Сильвестр и вовсе «своею волею отоиде», ушел в монастырь¹⁰. В новейшей исторической литературе можно встретить утверждения о том, что поп Сильвестр — фигура «откровенно дутая»¹¹. Конечно, это риторическое преувеличение. Но не правы и те исследователи, которые в одном только присутствии благовещенского священника в близком окружении царя видят чуть ли не ограничение монархии.

Алексей Адашев, удаленный с царских глаз из Москвы в «германские города» в начале 1560 года, успел там повоевать, но не пережил обрушившихся на него потрясений и вскоре умер. Гордый протопоп Сильвестр ушел от светских дел, став монахом Кирилло-Белозерского монастыря, после того как между ним и царем проскочило какое-то «непотребное слово». Царь Иван Грозный, лишившийся в ро-

ковым для судеб династии Рюриковичей 1560 году жены царицы Анастасии Романовны, остался один. Дружеского сочувствия царю больше никто не мог выразить, оставалось общее чувство родственной потери. Родные братья царицы Данила и Никита Романовичи, а также ее племянник Василий Михайлович Захарьины-Юрьевы попытались убедить царя, что его прежние «ближние люди» виновны еще и в смерти царицы Анастасии, но царь Иван Грозный этому не поверил. Хотя показательно, кто пришел на смену Сильвестру и Адашеву. Не случайно шурия царя названы Андреем Курбским «злыми советниками». Не всё так однозначно и с общим родственным трауром. Предполагают, что именно боярин Василий Михайлович Захарьин-Юрьев первым пришел на помощь царю после смерти царицы Анастасии... в организации нового брака. И произошло это всего лишь неделю спустя после траурных событий в царствующем доме. Вскрываются и генеалогические основания таких действий: боярин Василий Михайлович Захарьин-Юрьев выдал замуж свою дочь за родного брата будущей царицы Марии Темрюковны. Мотивы действий «любимого боярина царя Ивана», как о нем писал выдающийся историк опричнины Степан Борисович Веселовский, понятны. Родство с царем всегда было одним из главных оснований феномена «ближних людей» в России¹².

Следующих «советников» из числа царских приближенных уже невозможно представить его собеседниками: они всего лишь слуги, готовые внимать каждому слову своего государя. Хорошо известна история с разделением страны, выделением царского «вдовьего» удела, созданием новой столицы в дворцовой Александровой слободе. Отказавшись от привычного порядка управления, «отдав власть» на большей части страны «земским» боярам, которые должны были управлять «по старине», царь Иван Грозный как удельный князь остался в окружении своего опричного двора. На службу в «опричнине» он мог отбирать любых бояр и дворян, кого хотел. И распоряжаться всеми своими подданными — «жаловать и казнить», по словам Грозного, «волен» был, как хотел. Характер власти в Московском царстве изменился существенно, бояре в Думе больше не могли влиять на царя. Иван Грозный их просто не слышал. Царь находился в Александровой слободе или на своем опричном дворе в Москве в окружении беспрекословно подчинявшихся ему «холопов».

В классической «Истории России с древнейших вре-

мен» Сергея Михайловича Соловьева, созданной в середине XIX века, приведено свидетельство Хронографа, где заведение опричнины царем Иваном Грозным объяснялось «злым советом» Василия Михайловича Захарьина-Юрьева, Алексея Даниловича Басманова «и иных таких же»: «...учиниша опричнину, разделение земли и градов, а сам царь живяше на Петровке, и хождаше и ездяше в черном платье, и все с ним, и бысть туга и ненависть на царя в миру, и кровопролитие и казни учинились многие»¹³. В записи Хронографа — одного из современных событиям исторических памятников — перечислены имена новых главных любимцев царя со времен опричнины. Впрочем, и они не избежали судьбы царских советников 1550-х годов. Служба в опричнине Захарьиных-Юрьевых-Романовых и их родственников дорого им стоила. Не пережил опричные времена и боярин Алексей Данилович Басманов, происходивший из древнего рода Плещеевых. Хотя более знаменитым оказалось имя его сына Федора Басманова, прямо названного князем Андреем Курбским «любовником» царя. Можно повторить вслед за С. Б. Веселовским: «При всем нежелании касаться частной жизни исторических деятелей, приходится упомянуть, что иностранные писатели и Курбский определенно говорят, что Федор предавался с царем “содомскому блудотворению” и этим делал себе карьеру»¹⁴. Венцом этой карьеры «воеводы для посылок» и «кравчего» Алексея Даниловича Басманова стало командование всеми опричными полками в 1569 году, но уже в следующем году он был обвинен в измене по новгородскому делу. Князь Андрей Курбский рассказывал о страшной казни Басмановых, когда сын должен был прежде собственной казни убить отца. Правда, этому противоречат известия источников. В память Федора Басманова царь пожаловал большой вклад в Троице-Сергиев монастырь. Согласно рассказам самих Басмановых-Плещеевых, Алексея Даниловича и Федора Басмановых не стало «в опале» на Белоозере¹⁵.

Близким к царю Ивану Грозному человеком, но не «ближним», стал Малюта Скуратов, чье полное имя — Григорий Лукьянович Бельский. Малюта происходил из рода звенигородских землевладельцев, а потом вяземских детей боярских Бельских (их не стоит путать с более известными в истории князьями Бельскими). Историкам мало что остается сказать о такой «дружбе». Малюта не «риторствовал», как Курбский; не стремился к влиянию на бояр (если принять обвинение царя), как Адашев, а, не размышляя, дей-

ствовал, как ему указывал Грозный. Может быть, даже в чем-то предугадывая желания своего повелителя, избавляя его от необходимости оформлять смертные приговоры царским послушникам и всем, кто стоял на пути Ивана Грозного, какими-либо указами. Именно Малюта виновен в смерти опального митрополита Филиппа в Твери. Царский слуга со своими опричниками казнил и пускал имущество врагов на поток и разграбление, «отдельвал» (убивал) целыми сотнями людей во время опричного Новгородского похода. После этого легко поверить, что все делалось по одному мановению царя. Впоследствии Иван Грозный искал оправдания своих дел, составлял ради покаяния синодики опальных, делал щедрые вклады по убиенным в опричнину (отсюда мы точно и знаем о делах Малюты Скуратова). Царский палач тоже заботился «о душе». Известны вклады Малюты Скуратова в Иосифо-Волоколамский монастырь, где он и был погребен на почетном месте после гибели в боях на «немецком» фронте в 1573 году.

Царская привязанность к Малюте никуда не исчезала до самого конца жизни царя. Вклады Ивана Грозного «на помин души» Малюты Скуратова даже превышали размеры пожертвований по самым близким царским родственникам, включая дочерей, брата и двух жен¹⁶. В последние годы царствования Ивана IV о любимом слуге напоминали молодые придворные — зять Малюты Скуратова, кравчий «особого двора» боярин Борис Федорович Годунов, а также племянник главного опричника, думный дворянин и царский оружничий Богдан Яковлевич Бельский. По словам англичанина Джерома Горсея, Грозный считал Бориса Годунова «третьим сыном» (после двух его настоящих сыновей — старшего Ивана и младшего Федора), а Богдан Бельский наряду с Годуновым был «главным любимцем» царя¹⁷. К ним можно добавить еще опытного дипломата и советника царя Афанасия Федоровича Нагого. О его близости к царю достаточно говорит последний брак царя Ивана Грозного с племянницей Афанасия Нагого — царицей Марией, матерью царевича Дмитрия¹⁸. Рассказывали, что и в самый день смерти 18 марта 1584 года царь играл со своими «ближними людьми» в шахматы во дворце. И царская рука никак не могла поставить на доску фигуру короля...

Никто более, чем Борис Годунов, не оправдывает звания «ближнего человека» московских царей. Его служба придворного и царского шурина — рассказ об идеальном пути к власти, первый и единственный раз в истории

Русского государства завершившемся воцарением одного из подданных, не имевшим династических оснований (самозванцы не в счет). Поэтому Годунов заслуживает не какого-то беглого упоминания в общем ряду, а полноценного биографического рассказа в отдельной книге¹⁹. Обратим внимание только на самое главное, что позволило Борису Годунову стать сначала правителем Московского царства при царе Федоре Ивановиче, а потом и царем. «Первый ученик» школы Грозного царя, как часто называют Бориса Годунова, стал всё делать по-своему! Ушли в прошлое открытые казни врагов, страна устраивалась после опричной разрухи, ближайшие родственники царя и царицы Романовы и Годуновы не соперничали, а делали общее дело, находясь в дружеском союзе. Правда, иначе было с князьями Шуйскими, неосторожно обнажившими свои далекоидущие замыслы о троне в разговорах о возможном разводе царя Федора Ивановича и царицы Ирины Годуновой. Вспомним появление в Москве самостоятельного патриаршества в 1589 году — великое достижение царствования Федора Ивановича не могло бы случиться без Бориса Годунова. Войны царя Федора Ивановича с внешними врагами — «крымцами», «шведами» — на целый век определили одни из главных направлений посольских дел Московского царства.

При всех успехах видны и ограничения подобного родственного фаворитизма. Другие представители рода Годуновых становятся «ближними людьми» самого Бориса. Во времена его соперничества в Боярской думе с боярами из титулованных родов, князьями Мстиславскими и Шуйскими, Трубецкими и Голицыными, такое положение дел было оправданно. Однако преобладание в Думе и при дворе представителей одного боярского рода, их родственников, друзей и свойственников привело к неустрашимому конфликту после воцарения Годунова. Накапливалась «усталость» от власти царя Бориса, длившейся (считая со времени его боярства) двадцать лет, от того, что всех хотели приучить думать, что Русское царство теперь на века принадлежит Годунову и его потомкам. И всё это разрушилось при первых же испытаниях! Когда появился самозванец, использовавший имя царевича Дмитрия, случайно погибшего в Угличе в 1591 году, многие готовы были поверить в сказку, иллюзию и обман о спасении сына Иван Грозного, чтобы не служить дальше Годуновым. Так начиналась Смута, а одной из ее причин стал отказ Бориса Годунова

от совета с первыми боярами (в них он по-прежнему видел конкурентов, угрожавших власти его сына царевича Федора Борисовича), и полное доверие доносам и «ушникам».

По такому доносу были устранены из Думы «всем родом» Романовы в 1601 году, а их места заняли люди, угодные Борису Годунову. Одним из таких «временщиков» стал Семен Годунов. До царя было «далеко», поэтому всё накапливавшееся недовольство Годуновыми переносилось до поры на царских родственников. Правда, на закате царствования Бориса Годунова в придворной истории был эпизод, связанный с возвышением Петра Федоровича Басманова (потомка тех самых опричных любимцев Ивана Грозного). Длилась такая царская милость по отношению к Басманову, отличившемуся в первых боях с появившимся в пределах Русского государства царевичем Дмитрием, всего несколько месяцев. А уничтожена была назначением в полки после смерти царя Бориса Годунова в апреле 1605 года, за которым стоял Семен Годунов. И Басманов, как известно, оказался впоследствии самым преданным слугой самозванца....

Даже в Смутное время «ближние люди» никуда не исчезли из окружения царей, что говорит об устойчивости этого никем и никогда не вводившегося института, вытекавшего из одной лишь самодержавной природы управления Русским государством. Каждый раз оказывалось, что полная царская власть — еще и тяжелейший груз, облегчить который можно было с помощью преданных царю людей. Кто-то из них становился более близок и нужен в управлении делами царства, чем все другие члены Думы. Кого-то отодвигали в тень, несмотря ни на какие государственные навыки и умения, «честность» и высокое положение рода. Первоначальная основа возвышения царских любимцев — личный выбор и склонность царя. Главными людьми во дворце становились те, кому была поручена охрана здоровья царя: постельничий, глава Аптекарского приказа, пробовавший приготовленные иноземными докторами лекарственные «составы» прежде царя и его семьи, охранявший царские покои начальник стрелецкой стражи. Но самой надежной основой близости к царю оставались родственные связи. Каждый новый брак царя вводил в состав боярской элиты новые рода. А дальше родственники вокруг трона начинали затяжную борьбу за влияние на царя, что и составляло суть «политической борьбы» при дворах русских царей.

Классический пример такого родственного возвышения случился во времена правления царя Василия Шуйского. Рядом с ним оказался «ближний приятель» князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский, заключивший Выборгский договор со шведами о помощи в борьбе против самозванца Лжедмитрия II, освободивший Троице-Сергиев монастырь и Москву от тушинской осады в 1610 году²⁰. Правда, самым близким к царю Василию Шуйскому оставался всё же его родной брат боярин князь Дмитрий Иванович Шуйский. И когда внезапную смерть молодого князя Скопина-Шуйского связали с происками семьи царского брата (отравительницей молва назвала жену князя Дмитрия Ивановича Шуйского Екатерину, дочь Малюты Скуратова!), то рухнула и вся конструкция власти последнего Юриковича из династии суздальских князей на русском троне²¹.

С началом царствования Романовых в 1613 году суть управления не поменялась; более того, как итог Смуты, возникло общее желание возвратиться к порядку, «как при прежних государях бывало». Никто не разбирался в деталях и не вспоминал, что «бывало» совсем по-разному; говорили лишь о противопоставлении власти и безвластия. И юному царю сразу простили приход к управлению Московским государством царских родственников — других Романовых, бояр Салтыковых, Шереметевых и князей Черкасских. Многие из них и так давно входили в состав Думы, олицетворяя преемственность со временами двора царя Ивана Грозного. Проигравшими в Смутное время оказались как раз те рода, которым удалось хоть на короткое время овладеть «шапкой Мономаха»: Годуновы и князья Шуйские. С этого времени начинается упадок этих родов, они пресекутся и полностью исчезнут из придворной истории.

Новая династия Романовых, напротив, будет только укрепляться. Ей суждено будет пройти свой путь в три века от расцвета до заката Московского царства и, далее, к временам Российской империи. И всегда при этом рядом с царями и императорами будут заметны их приближенные, становившиеся на время первыми людьми во власти. Выше уже сказано о том, что порядок этот может быть объяснен общей идеей *самодержавия*. Как писал выдающийся знаток дворцовой истории XVI—XVII веков Иван Егорович Забелин: «В старину временщик представлял существенный тип управления не только в царском дворце и стало быть во главе управления всем государством, но и во дворе

областного воеводы, т. е. в управлении областью, и всюду, где ни появлялась управляющая власть, ибо в самом существовании этой власти в ту эпоху лежала единая идея, господарская идея: самовластие, самоволие, которое всегда и делало *время* всякому ловкому служителю этой идеи»²².

Обращение к событиям XVII века позволяет увидеть, кто из «ближних людей» выдвинулся в окружении двух первых царей из династии Романовых — царя Михаила Федоровича (1613—1645) и его сына Алексея Михайловича, прозванного Тишайшим (1645—1676)²³. Конечно, историкам их имена прекрасно известны: бояре князь Иван Борисович Черкасский, Борис Иванович Морозов, Артамон Сергеевич Матвеев. У каждого из них был свой путь: одному помогало родство с царем, другой был близок царю с самых юных лет как его воспитатель; третий добился первенствующего положения в Думе своей службой. Их личная история стала частью истории царского двора и, шире, всего государства. Поэтому, узнав их биографии, можно лучше понять структуру и родовые черты власти московских самодержцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru